

„Эти домы святые“

Сегодня, в День Победы, на память невольно приходят эти строки поэта Михаила Лыкова, высеченные на стене у входа на девятую—десятую доменные печи. Неизмеримо вырос наш цех за последние годы с лишним лет, и трудно сравнить нынешнее производство чугуна с тем, что получали магнитогорские доменишники перед войной.

Особенно результативно работают сейчас коллективы четвертой и девятой домен, на счету которых соответственно 18 и 13,5 тысячи тонн чугуна.

Подростками пришли в наш цех в годы войны А. Д. Иванов, В. К. Горностаев,

Ф. Гибадуллин и П. Н. Жарков, ставшие впоследствии знатными доменишниками. Сегодня ветераны на пенсии, а вместо них в цехе по-ударному трудятся их сыновья: Ю. А. Иванов — мастером на четвертой домне, М. Ф. Гибадуллин — ма-

стером на второй, В. В. Горностаев — газовщиком на пятой домне и В. П. Жарков — мастером-электриком цеха.

Можно быть уверенным: в коллективе коммунистического труда доменного цеха по сей день живы традиции, заложенные военным поколением доменишников.

Н. ГОЛОВИН,
председатель комитета профсоюза доменного цеха.

Мальчишки с их тягой к героической военной романтике заслушивались рассказами Анатолия Ивановича Кремлева. Только в последние годы Анатолий Иванович старается избегать приглашений к ребятам. Все тяжелее ворошить пережитое, и после таких встреч долго болит сердце, не идет сон по ночам. Воспоминания обступают, тревожат...

В заветном пакете хранит ставку Владимир Дмитриевич и его жена, фронтовой шофер Анна Денисовна. В Куйбышевской области — механик-водитель Николай Павлович Судачков, на Сахалине — механик-водитель Виктор Александрович Яркий. С девятидесятилетним юбилеем поздравили бывшие однополчане командира части Карпа Васильевича Свиридова.

тешные, истертые фотоснимки, поведал, какие это были замечательные ребята, достал письмо от пионеров-следопытов села Малая Каховка Херсонской области — Кремлев написал в школьный музей, дал адреса однополчан... А о себе, хотя угораздило его уже вдвоем с женой, Зоей Александровной, — ни слова.

— Воевал, как все, что о себе говорить.

А когда Анатолий Иванович все же разговорился, вспомнил встречавшие их сожженные дотла украинские деревни, невесты отсюда, из земляных нор возникавших женщин и детей, опухших от голода, оборванных, вспомнил, как делились они с ними скудным солдатским пайком, а когда задрожал его голос, я сама остановила его. Для нас, не знавших войны, эта боль — предостережение против новых войн. Но им эти горькие воспоминания ведь не прерывают дней. Знаю, Анатолий Иванович заново пережил и ту переправу через Дунай, когда взметнувшаяся от снаряда волна опрокинула паром и он вместе с танком ушел под лед, вспомнил, как его, сковавшего обледеневшим меховым комбинезоном, доставили в медсанбат. Оправившись, сбегал в свою часть.

Вновь вернулся он в ту ночь, когда экипажем нескольких окранных машин было приказано взорвать технику и выходить мелкими группами. Болото, шорох камышей, немецкие ракеты, овчарки, а на руках — раненный в ногу командир Кашинурский.

Но есть среди фронтовых воспоминаний иные — озорные, мальчишеские, ведь многие из них и были мальчишками.

А однажды перед строем было объявлено: старший сержант Кремлев получит машину из магнитогорской брони. Броня была прочной, он воевал на этом танке до Победы.

Л. КОВАЛЕНКО.

Когда тебе 17...

Сорок первый год. Угольная шахта, куда пятнадцатилетний паренек из села Петропавловка Уйского района отправился вслед за старшими ребятами, «добавив» себе полтора года. Недолгая, всего-то неделю, учеба в ФЗО, изнуряющий, но все же двенадцать часов труд в забое... Два старших брата, Петр и Павел, — на фронте, отец — в трудовом, дома — мать с сестренкой.

Сорок третий год. Учеба в Челябинском танковом училище, первое боевое крещение под Николаевом.

Дважды орденоносная их танковая часть была гвардейской, а потому все время находилась в прорыве, противостояла ударному кулаку немецкого танкового подразделения Манштейна. Танки с боями уходили на запад — Молдавия, Румыния, Венгрия, Болгария, Югославия, Австрия, Чехословакия — оставляя позади маленькие холмики земли, а в сердцах — скорбь о погибших.

Оставшиеся в живых несут память о них через годы. Вот только все меньше их, всего двадцать шесть бывших танкистов-гвардейцев. Анатолий Иванович переписывается с боевыми друзьями. В Житомир живут Серовы, полковник в от-

Анатолий Иванович Кремлев реликвию своего «домашнего музея». Снимки военных лет, переписку с фронтовыми друзьями, восемнадцать потерянных в сгущах благодарностей за освобождение городов, подписанные Сталиным, приглашения на встречи с однополчанами, два ордена — Славы III степени и Отечественной войны I степени, медали, отражающие его боевой путь, — «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги» и другие.

Но с Победой для гвардии сержанта Анатолия Кремлева война не закончилась. Шестнадцатое мая, неделя долгожданного мира, а вокруг хлещет свинец... А тот бой за освобождение Будапешта тоже оставил заметку на всю жизнь. Взятие в кольцо немецкие части рвались из окружения, и в рукопашной схватке Кремлев получил ранение, после которого был признан инвалидом. Но какая там инвалидность: когда Кремлев демобилизовался из Праги, ему было всего двадцать два. Он запрятал подальше удостоверение инвалида войны второй группы и пошел работать на комбинат, слесарем в цех ремонта коксовых печей, стал бригадиром слесарей.

Мы беседуем второй час, Анатолий Иванович рассказывает мне уже очень много: о славном боевом пути их гвардейской танковой части, показал пожел-

Горняцкая был

хлеб

план есть, отработали вроде без замечаний...

Устало ввалившись в будку, Митька похлопал по раскаленным бокам громадную печку-буржуйку. На миг прижался к ней своими мазутными доспехами. «Буржуйка» зашипела, дохнув на Митьку перегаром машинного масла. На столе лежала снятая с аппарата телефонная трубка.

— Тебя, — кивнул в сторону телефона горный мастер, заступающий в ночную смену.

Митька сразу узнал голос начальника экскаваторного участка.

— Митя, — донесся изда-лека его приглушенный голос, — сменишь твой заболел, выручи, пожалуйста, поработай еще смену.

Лицо у Митьки дрогнуло. Прижимая дрожащей рукой трубку, он заплакал.

— Что с тобой, хлопцев? — засуетился мастер.

Митька, застыдившись слез, отвернулся. Лишь вздрагивали от рыданий спина да узенькие плечи. А из трубки сквозь шорох и потрескивание доносились:

— Ну, так как же, Митя?

Расслабленное от тепла Митькино тело вдруг стало тяжелым, как свинец. Он безвольно опустился на колени, склеиваясь. Мастер взял у парня трубку и, приложив ее к седым, проку-

ренным усам, проговорил:

— Минуточку обождите:

Митька размазывал по грязным обветренным щекам слезы, а они все текли и текли. Отвечая на вопросительный взгляд мастера, все еще всхлипывая, сказал:

— Боюсь, не выдую я другую смену. Карточку продуктовую на декаду потерял. Уж третий день не ем...

...Еле-еле взобрался Митька на экскаватор. Подошел состав. Ветер поднял в воздух целое море снега. Мощные прожекторы едва пробиваются к забою через это снежное месиво. Сосредоточенный взгляд машиниста бдительно сопровождает движения ковша. Митькины руки будто слились с тяжелыми рычагами контроллера. В кабину вошел помощник.

— Митя, Митя, вот тебе мастер передает, — он протянул кусок хлеба с бутылкой молока.

Дрожащей рукой Митька потрогал бутылку. Молоко было нехолодное.

— Мастер за пазухой нес, — пояснил помощник. Мигом исчезли и хлеб, и молоко. Не наелся Митька. Но на душе потеплело, и руки проворней заработали рычагами.

Где-то полночь наверху, на исходе забоя зубья ковша высекли искры из моно-

лита. Дрогнуло Митькино сердце. Встреча с негаваритом на десятиметровой отметке забоя не предвещала ничего хорошего. При подборке нижней части уступа глыба может внезапно рухнуть и наделать беды. Ковш за ковшом выхватывает руду из-под нависшей глыбы экскаваторщик. Сам косит глазом на сколотую кромку негаварита. Помощник вынужден все подготовить для быстрого отвода экскаватора назад. Цепкий взгляд машиниста заметил, как вдруг из-под монолита дружно посыпалась вниз рудная мелочь. Митька быстро переключил машину на ход и стал уводить экскаватор назад, в безопасное место. Пять, десять, пятнадцать метров... Глыба наверху зашевелилась и с тяжелым стоном пошла вниз. Переворачиваясь с грани на грань, рудный великан тонн в семьдесят весом замер в двух метрах от кабины. Свежая, очень плотная его поверхность дымилась от нахлынувшей стужи. Глыба закрыла забойный след экскаватора, но путь к руде оставила свободным.

ОТ РЕДАКЦИИ. Автор этого материала М. Е. Горшков — орденносец, ветеран труда ММК. Большую часть своей жизни он проработал на руднике машинистом экскаватора, впервые сев в кабину в годы войны. В этой публикации нет ни одного выдуманного слова. Все это было на самом деле.

„ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ“

Майские смены

Оба стана листопрокатного цеха прибыли на Урал в годы войны с Украины. Смонтированные в короткие сроки, они вскоре заработали на полную мощь. Нелегко приходилось мальчишкам, сменившим на рабочих местах ушедших на фронт мужчин, но они сумели выполнить все заказы, на высокий уровень поднять качество металла. Сейчас многие из них — заслуженные люди, ветераны труда.

Вместе со всеми трудящимися комбината листопрокатчики обязались выполнить апрельскую программу за 29 дней. Для этого нужно было перевыполнить план на три процента. Итогом работы в прошлом месяце стало перевыполнение плана на 4,2 процента. А такие коллективы, как бригада № 3 адъюстажа стана 2350 и первая бригада стана 4500 сумели опередить апрельский график не на один, а на двое суток. Ритмично работает коллектив цеха и в мае.

Е. ПЕТРОВ,
заместитель председателя комитета профсоюза листопркатного цеха.

Только за погрузкой очередного состава до Митьки стало доходить: а что бы стало, не отвел он вовремя экскаватор? Еще на практике экскаваторщики рассказывали, как их коллегу освобождали при помощи автогена из сплюсненной валуном кабины.

«Не уйди мы вовремя», — размышлял про себя машинист, — спасать здесь было бы некогда».

Утром Митька еле-еле дотянул до обеда. На душе было светло: наворочал за сутки руды двадцать составов. Это больше семи тысяч тонн. Шел Митька и прикидывал: сколько же танков из этой его руды получится? Но в голове был туман, мозг отказывался делать нужную прикидку.

На столе Митьку ждало письмо от родителей. Писала обычно мать, а тут по черк отца: «Брата твоего, Василия, больше нет. Получили на днях выключку. Командир пишет, что погиб геройски. Мать целыми ночами плачет. Смотри, на работе старайся, да береги себя».

У Митьки строчки запылали в глазах. Дрожащей рукой он отложил письмо и тяжело, по-стариковски переставляя ноги, побрел к койке.

М. ГОРШКОВ.

На этой фотографии давних военных лет — Тихон Петрович Баранников. Его биография укладывается в несколько коротких строчек: на Магнитке с 1929 года, когда построили комбинат, работал в цехе связи ММК. Ушел на фронт, пропал без вести при освобождении Калининградской области. О том, как продолжил судьбу отца его три сына, о поисковой работе комбинатского музея — сегодняшний рассказ...

Два года музей Дворца культуры и техники ММК ведет поиск работников комбината, которые не вернулись с фронтов Великой Отечественной.

— Когда мы начинали, — вспоминает директор музея Наталья Григорьевна Пуколяк, — понимали, что будет непросто. И с каждым днем все труднее и труднее разыскивать следы погибших. Почему я сразу об этом? Очень волнует меня вопрос отношения сегодняшнего поколения к святой памяти прошлого. Оказалось, что не в официальных списках сложно найти фамилии и имена фронтовиков. Тяжелой порой расшевелить память их близких. Нет, не о женах и матерях речь, говорю о детях и внуках...

Сейчас работники музея заканчивают просмотр пенсионных дел, около тридцати тысяч пожелтевших от времени документов пришлось нам перевернуть. Но не в этом объеме дело. Сложности поиска заключаются в отношении к нему многих людей. К примеру, председатели цеховых профсоюзных комитетов. Много ли сил прилагают, чтобы помочь восстановить имена погибших рабочих из их цехов? К сожалению, судите сами — частенько в музей приходят родственники, дочери, сыновья, внуки фронтовиков, и ни один не скажет, что направили его к нам с работы. Многие мы приглашаем сами. Порой люди узнают о наших делах случайно. А между тем с каждым председателем был у меня добрый договор. Я не об обиде. Я о памяти, которую сегодня мы можем и должны завещать детям.

В прошлом году известно было 911 фамилий. Сейчас списки значительно пополнились. Мы проверили и еще будем уточнять данные на 1327 магнитогорцев-фронтовиков. Есть мысль, поместить списки в газете, чтобы горожане, металлурги могли узнать о своих родных, рассказать нам о них больше.

В руках Натальи Григорьевны мелькают заботливо ретушированные снимки. Одно за другим встают лица — молодые, задорные, совсем детские, чуть постарше... Сколько их, чью молодость оборвала фашистская пуля, чьей жизни обязаны мы своей?

— Боюсь, что полностью фамилии всех не вернувшихся с войны металлургов нам не удастся восстановить. Но мы в постоянном поиске. Важно, чтобы среди нас не было равнодушных. Да, особенно важно именно это. А вот о чуткости, добросовестности скажу особо: спасибо Анатолию Андреевичу Князеву, Валерию Васильевичу Васильеву, Рамилю Ришатовичу Низбаеву, Андрею Борисовичу Минину за их кропотливый труд фотографов и художников, который порой делает чудеса. Ведь снимки в музей поступают иногда в таком виде, что восстановить их могут только умелые руки.

Теперь чаще всего в музей заходят молодые, все меньше остается среди нас жен и даже детей фронтовиков. Что интересно, у многих из сыновей и дочерей погибших годы рождения 41-й, 42-й, а рядом с этой датой — день гибели отцов. Хотя и о гибели уверенно говорить нельзя, большинство родных получали не «похоронки», а бу маги на без вести пропавших. Так теперь мы не должны дать «пропасть без вести» последней памяти о наших дорогих земляках.

— Знаете, как бывает? — подключилась к разговору экскурсовод музея Валентина Георгиевна Жеребцова. — Уговорили мы недавно одну пожилую женщину отдать для перефотографирования портрет мужа, она на следующий день пришла в слезах: «Не могу без него, пусто в доме, как будто вчера только во второй раз проводила...». И удивляешься, и плакать хочется вместе с нею. А иной раз раскрывается дверь в музейный зал, и порога запылавшаяся старая женщина обращается к нам с вопросами, которые мы ей готовились задать. Оказывается, получила вызов и подумала... Подумала, что весточка у нас о нем есть... или жив муж ее, разыскивает через сорок с лишним лет. Тут уж в ноги поклониться бы ей за верность, за любовь, за память.

Очень хочу сказать отдельно о семье Баранниковых, такое глубокое впечатление оставило у меня их посещение. В музей пришел старший сын Тихона Петровича Александр вместе со своим сыном. Бережно хранились у них письма с фронта. Редко теперь встретишь такую трогательность — более пятидесяти треугольников в «семейном фонде». Мать управляла на фронт свои письма с рисунками детей, а отец писал на рисунках ответы своим мальчишкам. Причем, к каждому обращаясь отдельно. Ласковые, дорогие отцовские письма, они и сейчас — самое святое для трех сыновей.

Александр Тихонович работает старшим электриком в ПВЭС, Геннадий Тихонович — мастером разлива в первом мартеновском, Виталий Тихонович — слесарем на коксохиме. На ММК трудится внучка фронтовика Виолетта Геннадьевна, ее муж строит сегодня кислородно-конвертерный цех. Жива в родне крепкая память об отце. Значит, продолжается его жизнь...

Е. КОРОЛЕНКО.